

ТРАДИЦИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КЛАССИКИ

УДК 82.02.09

**РЕЛИГИОЗНЫЕ ИНТЕНЦИИ В РУССКОЙ
БАТАЛЬНОЙ ПРОЗЕ****RELIGIOUS MOTIVES IN RUSSIAN BATTLE PROSE**

Лариса Ивановна Щелокова
Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

Larisa Ivanovna Shchelokova
Moscow City University, Moscow, Russia

Аннотация

В статье реализована попытка осмыслить развитие религиозных интенций в батальной прозе. К анализу научной проблемы привлечен обширный материал, прослежен долгий путь развития художественного показа батальных событий от древнерусских текстов до литературы о Великой Отечественной войне, рассмотрена ценностная доминанта защиты родной земли, поведение человека в минуту опасности. Утверждается мысль о заметном влиянии религиозной философской мысли на отношение к войне и осознание ее духовного смысла.

Ключевые слова: батальная проза, исповедальное, сакральное, онтология, религиозная традиция.

Abstract

The paper reviews the main trends of battle prose – from Old Russian texts to the literature of the Great Patriotic War and early post-war period. The research focuses on the patriotic values in the context of history and literature and looks into dynamics of religious and philosophical views of Russian writers on war from axiological perspective. This approach accounts for the relevance and novelty of the study. The author explores historical and literary processes changing with time to define traditions and innovations in depicting battle scenes in Russian literature in different historic periods. The analysis is based on works of different genres: battle stories of ancient Russia which first made the link between religious symbols and military themes explicit; hagiographic works which feature motives of

protection of the warriors by the Mother of God and consider the conflict between the earthly and the heavenly, self-preservation and duty. The first literary work to try and interpret war and its aftermath religion-wise as an eternal conflict between war and humanity was the collection of stories *Milestones* (1909). Along with it, perspectives on war by E. Trubetskoy, N. Berdyaev, I. Ilyin are also given prominence to. The author addresses N. Berdyaev's ideas of eschatological problems of war and salvation of humanity; reviews V. Korolenko's critique of the revolution and the war from the angle of Biblical principles. It is argued that despite persistent efforts aimed to abolish Christian traditions, Soviet literature on war is entwined with religious undertones. Another avenue of research is the language of military discourse (with a particular focus made on new lexemes, Church Slavonicisms, emphatic intonation). New Soviet concepts embracing spiritual features of the Russians as a nation are examined through Stalin's public addresses. The message of battle prose is seen in the idea of Soviet people unity in the face of external threat. Its stylistic features are contingent on image of the protagonist seeking and gaining the sense of Homeland through an individual story unfolding against a historic backdrop. The imagery of the prose involves sacral symbols: Home-World-Genus. The paper also explores a new form of sermon, new patriotic prayer, prayer for salvation, memorial prayers and ethical-religious prayers.

Key words: battle prose, confessional, sacral, ontology, religious tradition.

Введение. Русская батальная проза, зародившаяся еще в глубокой древности, изображала военные походы князей и их дружин в произведениях разных жанров: летописи, воинские повести, жития и др. Авторы, определив ценностную доминанту — защита и оборона земли предков, сформировали и модель поведения человека: в минуту опасности он обязан встать на защиту страны, мужественно сражаться за нее до последнего вдоха. Постепенно сложился культ воина, его канонизация, многие погибшие ратники были причислены к лику святых. Красота родины воспевалась, скорбь за ее поругание была глубокой и искренней, что привело к выработке *комплекса патриотических ценностей*, включавшего красоту и дары природы, духовные достижения людей, населявших родную землю. Указанный комплекс обрел статус *аксиологической константы*, т. к. в ходе любых военных действий традиционно провозглашались богатства, накопленные и сбереженные по-

коленими предков. Акцент на должном поступке усилен в жанре воинской повести, где широко использовались устойчивые формулы и общие места в описании ратных сцен, передавая фольклорную эстетику бранного дела. В исследованиях медиэвистов высказано предположение, что древние авторы могли вложить в уста князей молитвы, бытовавшие в то время в будничной жизни. Полагаем, можно считать, что в воинских повестях впервые введена в сознание читателей устойчивая связь религиозной и батальной темы. Князь — глава дружины, отправляясь в поход, предстал перед Богом, вверяя ему свою судьбу. Усиление и закрепление синтеза духовного долга и ратного деяния (в этом случае — собирание себя для одоления врага и свершение боевого подвига) произошло в жанре жития, где исполнение воинского долга приравнено к служению Богу. В житии упрочиваются мотивы богородичной защиты воинов, идущих в бой, помощи высших сил, искушения и его преодоления героем, выстраивается оппозиция земного / небесного, преобразованная в рамках батальной темы в оппозицию рефлекса самосохранения и долга.

«Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра» принято считать житием нового типа, в нем сочетаются два начала — божественное и человеческое, олицетворенные в главном герое. Черты эпического героя-воина (в том числе и былинного богатыря) и героя-святого, порожденные воинскими подвигами, подтверждают его мудрость государственного деятеля. В образе Александра Невского реализовано представление об идеальном человеке, на долгое время определившее эталон умного правителя и храброго воина в поздней историко-военной прозе, сохранившей ориентацию на идеализацию героя.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать историко-литературные процессы в изображении батальных сцен русской прозы в контексте религиозной символики и смыслов.

Материал исследования составили произведения русской литературы, посвященные батальной теме, от древнерусских текстов до литературы о Великой Отечественной войне.

Методология подчинена задаче исследования. Автор опирается на известные труды М.М. Бахтина, В.Н. Захарова, А.М. Любомудрова и др.

Основная часть. В древнерусской литературе сложились основные принципы изображения военных событий, утвердившиеся и распространившиеся в литературе новейшего вре-

мени. Значительную роль в художественном развитии батальной прозы сыграли произведения Л.Н. Толстого, В.М. Гаршина и других писателей. Однако отметим, что войны XIX столетия не имели столь разрушительной силы, в том числе и Отечественная война 1812 г., как войны XX в. Социально-исторические конфликты прошлого века по масштабу трагедий превзошли события прежних эпох, поэтому неизбежно тема войны обрела новое осмысление. Неслучайно многие свидетели, очевидцы и участники событий после их завершения будут постигать произошедшее в историософском контексте, тесно связанном с религиозным мировосприятием.

Первая мировая война была воспринята современниками как большая трагедия. Первые отклики на события появились в периодических изданиях различной политической и философской направленности. Углубили кризисное состояние предшествовавшие мировой катастрофе война России с Японией и революция 1905 г. Знаковым событием этого кризисного положения стало появление сборника «Вехи» (1909). Статья С.Н. Булгакова «Героизм и подвижничество» с подзаголовком «Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции», помещенная в этом сборнике, обозначила, по нашему мнению, новый этап осмысления исторического пути развития страны и роль человека в судьбе родины. Автора беспокоит умножение разрушительной энергии, вызванной революцией, что способствовало политическому и духовному кризису.

Можно утверждать, что осмысление причин и последствий войны с религиозной позиции усиливается в этот период, многие выдающиеся умы обратились к вечной проблеме — *война и судьба человечества*. Е.Н. Трубецкой посвятил ряд работ анализу происходящих событий в книге «Смысл войны» (1914). Н.А. Бердяев на протяжении примерно двух десятилетий исследовал социально-исторический механизм войны, ее философскую и нравственную сущность в объемном труде «Судьба России» (1918), где значительное внимание уделено психологии и смыслу войны. Следующая его работа уже другого исторического периода — «Эсхатология и война» (1939–1940) продолжила раздумья мыслителя о мировых войнах и спасении человечества. Цитаты из Апокалипсиса, анализ библейских заповедей приводят его рассуждения к убеждению о возможности преображения человека и преобразования мира. Он пишет об окончании очередного этапа истории, о равноценности социального и личного поведения человека, о том,

что моральный акт — победа свободы над необходимостью, о присутствии энергии Бога в свободном акте человека, формулирует эсхатологическую проблему, которую ставят война и катастрофы истории: «<...> история должна кончиться, потому что в пределах истории неразрешима проблема личности, ее безусловной и верховной ценности. В истории должен начаться процесс покаяния не отдельных только людей, который всегда бывал, но коллективов, государств, наций, обществ, церквей» [Бердяев: 12]. Итоговый вывод работы гласит о бессмысленности войны, единственная ее цель — это победа над врагом.

Размышлениям о духовном смысле войны посвящен одноименный труд религиозного философа И.А. Ильина (1915), ему предшествовала его работа «Основное нравственное противоречие войны» (1914). Ильин пишет: «Война насильственно вдвинула в наши души один *общий* предмет; она противопоставила нашему мелкому повседневному “здесь” — некое великое “там” и потрясла нас этим “там” до корня. То, что было “здесь”, не исчезло после начала войны, но наряду с ним выдвинулось что-то *новое* и, может быть, даже заслонило повседневность» (курсив И.А. Ильина. — *Л.Щ.*) [Ильин: 8]. Философ характеризует коренное изменение сознания человека *мира* и *войны*, его мысль ляжет в основу онтологических оппозиций: мы / они (враги) и мы (в период войны) / мы (в период мира). Русская религиозная философия сформировала мировоззренческую основу для осмысления сущности войны, роли человека в ней и его ответственности за массовые убийства невинных людей.

К онтологическому постижению военных событий тяготеет и В.Г. Короленко. Он размышляет об оппозициях добра и зла, любви и вражды, которые, по его мнению, не удалось преодолеть человечеству на протяжении тысячелетий, он пишет о патриотизме, разграничивая его на «истинный» и «самохвальный, казенный». Реалии войны писатель воспринял в контексте «тысячелетней работы человеческой мудрости» [Неизданный В.Г. Короленко: 68], высота евангельской этики, заданная уже в заглавии воззвания «Людям-братьям», сформировала аксиологический диапазон отношения к происходящим событиям. Он возмущен тем, что «кровавое безумие затмило глаза и сердца людей, так что они и видя не видят, и слыша не слышат. И мерзкое стало великим, отвратительное — прекрасным и зверино-слепое — героическим...» [Неизданный

В.Г. Короленко: 68]. Евангельские истины призваны служить стержневой нравственной опорой для потерявших разум. Короленко призывал современников задуматься над происходящим, стремился заново открыть смысл вечных ценностей. Последующие события — Мировая война, революция, Гражданская война — для него тоже предстали в свете евангельских заповедей.

Первая половина XX в. для России — это период тяжелейших испытаний: не только внутренние социально-политические конфликты, но и Великая Отечественная война. В советской литературе доминировали темы революции и Гражданской войны, в отличие от Первой мировой войны, долгое время трактуемой как *империалистическая*. К 1940-м гг. сложился устойчивый идеологический дискурс со строгой регламентацией изображения событий героического прошлого. Многие писатели откликнулись на вторжение фашистской Германии открытым публицистическим словом. Учитывая жесткое влияние на мировоззрение и публичное высказывание в советское время, принято считать, что христианская традиция была искусственно прервана. Вероятно, справедливее будет говорить о ее существенной трансформации, т. е. *подтекстовом звучании*. Важным фактором выражения отношения к событиям является также и эпоха, породившая писателя, культурные условия, сформировавшие его как личность. Великую Отечественную войну встретили писатели разных поколений, политических убеждений и национальностей, однако общая беда была пережита ими на глубоком общечеловеческом уровне. Авторы в минуты тяжелейшего испытания для всей страны зывали к генетической культурной памяти человека, устоявшейся веками онтологической системе ценностей, оказавшейся доступной для всех вопреки идеологическим табу.

Сложный процесс перестройки мышления, образа мыслей, т. е. формирование *оборонного сознания* не мог произойти самостоятельно в голове каждого человека. Одним из важных инструментов воздействия на массовую аудиторию стало весьма характерное обновление лексики, возвращение к старославянизмам, к забытым советским словарем — лейтмотивом становится словосочетание *пядь земли*, впоследствии давшее название известной повести Г. Бакланова. Ю. Яновский в статье «За каждую пядь земли» сформулировал главный лозунг времени: «Народ воюет за святые идеалы предков, за счастливую жизнь детей» [Яновский: 3].

В начальные дни войны воинствующий атеизм сдает свои прежние позиции, в исторической речи И.В. Сталина от 3 июля 1941 г. прозвучало знаменитое обращение — *братья и сестры*. Сталин назвал врага *вероломным, извергом*, расширив тем самым понятийный советский словарь. В речи на параде 7 ноября 1941 г. он произнес напутствие: «<...> пусть осенит вас победоносное знамя Ленина», «Да здравствует славная Родина» [Сталин: 1]. Общерелигиозная лексика способствовала осуществлению ментального перехода от регламентированного языка официальных заявлений и усеченного мировоззрения (в строго идеологическом аспекте) к широкому сознанию народа. Сталин в выступлении на параде в Москве упомянул воинов и полководцев, снискавших себе вечную славу, среди которых Александр Невский, причисленный к лику святых, тем самым проложив путь от далеких предков к их современным потомкам. Обращение к старославянской лексике, упоминание *большой истории*, т. е. легитимность досоветской эпохи, восстанавливали *духовную биографию* народа. В Гроссман в статье «Готовность к подвигу» писал: «Понятие родина для нашего народа расширилось, наполнилось новым содержанием» [Гроссман: 3].

Выступление Сталина имело широкий отклик, возникла рецепция его речи в советской и в зарубежной периодике. К примеру, в статье И. Эренбурга «Человечество с нами» передан отклик на речь Сталина, которую «слушали молча», в многолюдной толпе людей последовала реакция на слова вождя: «Только блестящие глаза священным гневом» [Эренбург: 3]. Прямые цитаты из речи Сталина создают эффект диалога двух воюющих народов: «Сталин сказал об опасности, нависшей над родиной, о захвате фашистскими ордами наших земель, о ранах, нанесенных нашим городам», далее звучит ответ врагу с отсылкой к евангельской семантике: «Напрасно Гитлер пытается “экстренными сводками”, сопровождаемыми барабанным боем, унять тревогу, охватившую Германию. Он преподносит немецкому народу иллюзорные победы. Но народ хочет *правды и хлеба*, а этого Гитлер не может ему дать» (курсив наш. — Л.Ш.) [Эренбург: 3].

Рецепция речи Сталина во многих статьях показана через народную оценку и толкование, к примеру, статья Вс. Иванова «Мысли народа» посвящена реакции людей на обращение «*Братья и сестры*», в результате которой весь народ ощутил себя единой семьей: «Да, семьей! Воскликание колхозника

имеет громаднейшее, трудно передаваемое значение. “Братья и сестры!” Это чудесно понял седой колхозник, и эти слова “Братья и сестры!” подняли его душу на высоту гигантскую» [Иванов: 3]. Вс. Иванов пишет об осознании народом *большой истории*, воссоединении с предками: «И вообще в эти великие дни наш народ показал, что он любит говорить скупю, без восклицаний, без пышных фраз, но говорить как-раз те слова, которые сейчас необходимы, — и получается, что, действительно, говорит он во-время и крепко. Так же, как и действует! Сейчас только понимаешь, как говорили, действовали в древности наши предки — богатыри из былин» (орфография Вс. Иванова. — *Л.Ш.*) [Иванов 1941б: 3]. Существующее понимание семьи как *малого храма* в национальном масштабе вызывает ассоциацию с идеей *соборного единения народа*. В условиях большой войны мысль о единении, выступающем в двух смыслах — объединиться с современниками и воссоединиться с предками, становится лейтмотивом многих публичных высказываний.

Единение народа происходит по пути *собирания ее истории*, поэтому значительное число публикаций содержит исторические аналогии. В статье «Война отечественная, война освободительная» академика Е. Тарле проводится параллель идущей войны с битвой 1812 г.: события истории реконструируют исторический процесс, в котором народ России проявлял лучшие качества. Тарле выражает убежденность в том, что Россия вновь освободит Европу: «Второй раз в нашей истории освобождение русской земли от вторгнувшегося неприятеля перерастет, можно с уверенностью сказать, в освобождение Европы» [Тарле: 3].

К публицистике Великой Отечественной войны не было принято применять понятия, закрепленные в духовной традиции, — это категории *сакральное, исповедальное, проповедническое*, она преимущественно трактовалась в идейно-тематическом и пропагандистском ракурсах. Возможность найти в той злободневности иной скрытый смысловой слой мы видим не только в наличии сквозного образа родного дома / мира / рода, но и в его сакрализации. Во многих статьях той поры его значение углубляется, выявляя сокровенную сущность понятия *родина*. В военное время круг родного мира очерчивался географическими границами большой страны, духовное содержание наполнялось памятью об ушедших эпохах, заслугах предков, тем самым восстанавливалась *родословная народа*. Стремление писателей изобразить этапы истории страны, по-

казать галерею героев можно считать стилевой доминантой, в контексте которой уясняется национальная идентификация народа через постижение собственной истории, благодаря чему обретается и почва родины. Знаменитая фраза А.Н. Толстого «земля оттич и дедич» (статья «Родина») во многом определила вектор восстановления национальной памяти, призывая людей обрести духовное зрение.

Вс. Иванов в статье «Мое Отечество» выразил общее мнение: «Я — русский. Мое отечество от Белого моря до Тихого океана; это они, мои предки, шли по степям и тайге Сибири вместе с Ермаком; это они дрались в каре, в полках Петра Великого; это их казацкие кони пили воду из Рейна; и это их знамена колыхал ветер на улицах Берлина; и это они защищали свою родину, когда стояли плечом к плечу на полях Бородина, и это от моих предков бежал, в испуге бросая оружие и снаряжение, свою гвардию, всегда непобедимый Наполеон. Это они — рязанские, тамбовские, тульские, сибирские мужики — победили Наполеона и погребли его армию на своих, тогда очень тощих, полях. Русский народ не хотел отдавать своей земли ворогу и никому никогда не отдавал, как бы трудно ни приходилось!» [Иванов 1941б: 3].

Исследовательница творчества А.Н. Толстого А.М. Крюкова увидела особенность «только что народившегося Слова <...> в годы войны» [Крюкова: 67]. Она указала на одно из характерных свойств прозы писателя — его стремление к «<...> подлинности, исповедальности, душевной открытости <...>», по ее наблюдениям, письмам Толстого названные черты «<...> были свойственны как необходимые <...>» [Крюкова: 27].

Продолжая мысль ученого, можно утверждать, что исповедальное начало обнаруживается в стилистике и структуре статей, построенных порой в форме внутренних монологов, многие из них прочитываются как письма к современнику, хотя открытого обращения и не содержат. В приведенной выше статье мы читаем: «Сердце сжалось, когда я услышал это слово — война, и оно громко прозвучало в моем сердце» [Иванов 1941б: 3], это признание можно считать центральным образом-переживанием (термин И.К. Кузьмичева) всей публицистики военной поры, по интонации оно восходит к выражению сокровенного чувства.

Монологическая структура сближает статьи с тематической проповедью, обращенной к широкой аудитории. Термин «проповедь» следует использовать в условном смысле, учитывая

официальный советский атеизм, в то же время сохраняется задача классической проповеди — разъяснить конкретную проблему и подвигнуть человека на служение родине. Полагаем, что идея защиты и сохранения независимости России во время войны воплотила тот высокий дух, который пронизывает церковную проповедь.

Публицистика начального периода войны напоминает широко читателю об онтологических основах существования русского народа на его земле и утверждает идею защиты Отечества — это ярко иллюстрируют статьи А.Н. Толстого «Что мы защищаем», «Русские воины», «Родина», П. Антокольского «Москва», «Сим победиши», Вс. Иванова «Мое Отечество», «Родная земля» и др. В статьях и очерках обнаруживаются отзвуки религиозных жанров: житийное начало усматривается в очерке Л. Леонова «Твой брат Володя Куриленко», где дан образец биографии бойца нового времени, заслужившего право быть народным героем. Поминование восходит к древнему жанру — слава: «Многие из них уже отошли навеки к немеркнушим вершинам славы, — воины, девушки и дети, женщины и старцы, принявшие на себя благородное звание воина. <...> Слава вам, сыны великой матери!» [Леонов: 6–7]. Подвиг современных погибших воинов равнозначен деяниям древнерусских ратников, причисленных к лику святых, образует неразрывную героическую традицию, *онтологическое кольцо*, воплощенное не только в восстановлении обряда поминования усопших, но и в возвращении его именованию: «На великой и страшной тризне по нашим павшим братьям мы еще вспомним, вспомним, вспомним тебя, Володя Куриленко!» [Леонов: 22].

Конечно, нельзя утверждать, что писатели военного времени строго ориентировались на древние традиции гомилетики, однако чутье художника и гражданина подсказывало им необходимую логику, структуру и лексику их выступлений, что дало основание для последующего определения публицистики военной поры как уникального художественного феномена. Во многом этому способствовало возобновление элементов древней традиции стиля *монументального историзма* [Лихачев: 40], чьи признаки: «панорамное зрение», «географическая разбросанность», «эстетика дистанций», «культ воина» и др. — были востребованы литературой военного времени. Первой чертой стиля Д.С. Лихачев определяет стремление «<...> рассматривать предмет изображения с больших дистанций: про-

странственных, временных, иерархических» [Лихачев: 55]. О роли славы предков Д.С. Лихачев писал, что она сохранилась в полужызыческой молитве «дедня и отня», которая «<...> постоянно упоминается в летописи, особенно в критические моменты судьбы их потомков» [Лихачев: 55–56].

В годы войны названные черты содействовали образованию *патриотически-молитвенного комплекса*. Молитвенная составляющая обусловлена не только знанием родной истории, возрождением памяти о героическом прошлом, пробуждением любви и уважения к завоеваниям предков, гордостью, осознанием себя как частицы единой и большой истории, но и *прошением о спасении*. К семантике молитвы можно отнести и лексику, стилистически напоминающую молитвенные тексты: «оборонять честь державы» [Толстой 1950: 111], «Обороняем мы свое, наше кровное отечество, доставшееся в вечное владение народу» [Толстой 1950: 86]. Ассоциативно возникает аналогия с известной молитвой – *защити и оборони от врагов и недругов*. Усиление молитвенного начала в стилистике литературы военных лет связано с многочисленными жертвами, поэтому погибшие прославляются в форме поминальной молитвы: «Помянем с любовью и гордостью три сердца, переставшие биться, три сердца, горячо отдавшие себя за родину <...>» [Толстой 1941: 3].

Духовное и внешнее пространство родины поэтизируется, уподобляется райскому месту, в отличие от враждебного мира. Авторы предлагают восхититься красотой родной страны: «Взгляни на карту мира, русский человек, и порадуйся всемирной славе России. Необозрима твоя страна. Самое солнце долго, как странник, бредет от ее края до края, и любую из рек ее можно опоясать иную кичливую европейскую державу» [Леонов: 47]. «Гляди: спелые нивы шумят и лоснятся под ветром, серебро драгоценной рыбы плещется в реках, несчитанное золото и уголь томятся в ее недрах <...>» [Леонов: 47]. При описании родины, воспетой еще М.В. Ломоносовым, «география выступает как разновидность этического знания» [Лотман: 113]. История страны и перечисление ее природных богатств могут быть восприняты как *этико-религиозное моление* [Тарасов: 10].

Литературный процесс 1940-х гг., к сожалению, не пополнился в свое время одним знаменательным произведением, созданным в середине войны. Речь идет о повести К.Д. Воробьева «Это мы, Господи!..» (1943), авторское название – «До-

рога в отчий дом», в контексте религиозной семантики его можно трактовать как *дорога к внутреннему храму* [Щелокова 2012; 2015]. Пространственной структуре повести (передвижение героя по лагерям смерти) противостоит динамика его внутреннего мира, укрепление духа. Эту конструкцию, организованную по принципу *нисхождения / восхождения*, можно рассматривать как *путь к себе, обретение себя*. Высокий заглавный образ как бы растворен во внутренней энергии героя, стремящегося сохранить свою целостность. Трагедия вынуждает героя открыть новые грани бытия, ранее не ведомые ему, постепенно обнаруживая новые возможности собственных духовных сил. Изобилие натуралистических подробностей оправдано тем, что с одной стороны — «новообращенный» узник познает неизвестные реалии, с другой — читатель открывает неизвестную сферу, а в литературу вводится новая тема.

Сергею Кострову удалось избежать духовного пленения, идея сопротивления заложена в эпитафии из древнерусского памятника «Слово о полку Игореве»: «Лучше быть убиту от мечей, чем от рук поганых полонену!» [Воробьев: 201]. Перекличка со «Словом...» воплощена в идеях-положениях, пронизывающих все повествование: сохранение человеческого достоинства, воинской чести, а главное — исполнение своего долга защиты Отечества. Древнерусская этика, воплощенная в эпитафии, в повести обрела статус *молитвенного прошения*. Родство двух произведений выражено и в желании возбудить сострадание к жертвам войны — Воробьев использует прием анафоры, обретающий характер сложного синтеза эпитафии и ораторской трагической проповеди:

«Убивали за поднятый окуроч на дороге.

Убивали, чтобы стащить с мертвого шапку или валенки.

Убивали за голодное пошатывание в строю на этапе.

Убивали за стон от нестерпимой боли в ранах.

Убивали ради спортивного интереса, и стреляли не парами и пятерками, а большими этапными группами, целыми сотнями <...>» [Воробьев: 206].

Подробный список злодеяний фашистов адресован потомкам. Сохранить память об убиенных для писателя — долг чести, исполнение которого он продолжает и в последующих произведениях, посвященных военным событиям, — «Крик» и «Убиты под Москвой». Три повести объединяет исповедальное начало, первое произведение — это атмосфера *молитвенной ситуации* (мы вводим это понятие по аналогии с церковной ис-

поведью, когда возникает ситуация максимальной откровенности, предшествующей молитве), предопределяющей признание, осознание своей греховности. Герой заявляет о своем существовании, свидетельствует о виденном, прочувствованном опыте, стремясь поведать людям сокровенное и разделить с ними свое знание. Преобладание внутреннего монолога и глубокий самоанализ затрагивает не только личностные, но и внешние проблемы. Повести «Это мы, Господи!..», «Крик», «Убиты под Москвой» отражают этапы постижения себя в условиях боевых испытаний: физическое и духовное выживание в длительном плену, первая любовь и потеря любимой, гибель всего взвода в первом бою.

Первые послевоенные годы ознаменовались появлением ряда произведений о военных событиях, среди которых «В окопах Сталинграда» (1946) В.П. Некрасова занимает особенное место, повесть принято считать истоком «лейтенантской прозы», интенсивное развитие которой относят ко второй половине 1950-х гг. Если учитывать опыт Воробьева, то следует говорить о продолжении Некрасовым описания *личной войны* «поколения лейтенантов», главное достижение этого направления — в смещении акцента на внутренний мир человека и его ценностный потенциал. Некрасов утвердил особый статус окопа, чья отгороженность от большого мира превратила его в *место для своих, посвященных в дело воинов* [Щелокова 2013: 235–236]. Герой проходит путь духовного роста, важной вехой его развития является бой, где он одерживает еще и личную победу. Знаковым символом его восхождения становится Вифлеемская звезда, с ее исконным предназначением: «Вифлеемская звезда сейчас уже над самой головой. Зеленоватая, немигающая, как глаз кошачий. Привела и стала. Вот здесь — и никуда больше» [Некрасов: 143]. Высокая многозначная семантика *звезды* связана с Богородицею и ее сыном, в контексте батальной темы важное значение имеют и другие смыслы символа — это преемственность поколений, традиции ратного дела, возникает ассоциация с рождением воина, объединившимся с защитниками прошлых эпох.

Выше было отмечено, что христианская традиция, преимущественно выраженная на подтекстовом уровне, в виде аллюзий и реминисценций в литературе советского периода, продолжала свое развитие. В батальной прозе углубляется внутренний конфликт героя / воина, осложняющийся трудным противоречием между его желанием отказаться от участия

в войне и осознанием необходимости пойти в бой, к примеру, большинство повестей В.В. Быкова показывают острый нравственный кризис героя, порой в одиночестве принимающего личное решение о своей судьбе.

Онтологические основы бытия, осмысленные на материале войны, продолжают привлекать внимание писателей. В отличие от эмигрантской литературы, преимущественно трактующей войну как наказание Божье, в советской литературе война — это в большей степени предельная граница дозволенного и запретного, т. е. человек, участвующий в ней, должен решиться на убийство человека и определить для себя рамки возможного (не только с физической, но и с духовной стороны). Особенно ярко это демонстрирует знаменующая новый этап развития батальной прозы повесть Е.И. Носова «Усвятские шлемоносцы», где сталкиваются два онтологических полюса: война и деревня. Крестьянское сознание героев отказывается принимать явь войны, которая отменяет их привычный уклад жизни: сенокос, сбор урожая и т. д. Тема мирного пахаря на войне восходит к вечным темам — это два несовместимых полюса, относящиеся к оппозиции *бытие / небытие*. В связи с этим следует говорить о крестьянском взгляде на войну, отраженном в литературе, как одном из аспектов развития батальной темы. Другой аспект можно назвать *христианским*, т. е. в контексте *вины-покаяния-наказания* и расплаты, он сформировался еще в древности. Применительно к оборонительной войне можно выделить дополнительный аспект этой темы — *испытание человека войной*. Разумеется, нельзя говорить об автономности каждого из указанных подходов, батальная проза прошла долгий путь развития, отразила множество различных граней бытия, совмещая порой противоположные стороны. В настоящее время тема пополнилась новыми произведениями о военных событиях последних десятилетий, осмысляемых авторами с религиозной точки зрения. Обобщить все созданное в этом тематическом блоке невозможно в рамках одной работы, поэтому продолжение изучения указанной проблемы является большой научной перспективой.

Выводы. В статье рассмотрена динамика развития русской батальной прозы, устойчивая связь религиозной символики и батальной темы прослеживается уже в воинских повестях Древней Руси. В житийных произведениях намечен мотив богородичной защиты воинов, выстраивание оппозиции земного / небесного, рефлексии мотивов самосохранения и долга.

Дальнейшие наблюдения убеждают в присутствии религиозного смысла во многих произведениях, посвященных батальным событиям русской истории.

Литература

Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / Сост. С. Бочаров и В. Кожин. Москва: Художественная литература, 1986. 543 с.

Бердяев Н. Война и эсхатология // Путь. 1940. № 61 (октябрь 1939 – март 1940).

Воробьев К.Д. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1: Повести. Москва: Современник, 1991. 477 с.

Гроссман В. Готовность к подвигу // Известия. 1941. 2 июля.

Иванов Вс. Мое Отечество // Известия. 1941. 24 июня.

Иванов Вс. Мысли народа // Известия. 1941. 5 июля.

Ильин И.А. Духовный смысл войны. Москва: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1915. 215 с.

Крюкова А.М. А.Н. Толстой и русская литература: (творческая индивидуальность в литературном процессе). Москва: Наука, 1990. 257 с.

Леонов Л. Статьи военных лет. Москва: Правда, 1946. 256 с.

Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Ленинград: Художественная литература, 1978. 359 с.

Лотман Ю.М. О русской литературе. С.-Петербург: Искусство-СПБ, 1997. 848 с.

Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелёв. С.-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.

Неизданный В.Г. Короленко: В 3 т. Т. 1: Публицистика. 1914–1916 / Предисл., публ., сост. и коммент. Т.М. Макагоновой, И.Т. Пятговой. Москва: Пашков дом, 2011. 352 с.

Некрасов В. В окопах Сталинграда: Роман. Рассказы. Повесть / Сост.: Т.П. Голованова, А.А. Аль. Ленинград: Лениздат, 1991. 317 с.

Сталин И.В. Речь председателя государственного комитета обороны и народного комиссара обороны тов. И.В. Сталина на Красной площади в день XXIV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1941. 8 ноября.

Тарасов П.Г. Исповедальное начало в христианском мировоззрении: Автореф. ... дис. канд. философ. наук: 09.00.13. Белгород, 2008. 18 с.

Тарле Е. Война отечественная, война освободительная // Известия. 1941. 6 июля.

Толстой А.Н. Бессмертие // Красная звезда. 1941. 12 сентября.

Толстой А.Н. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 14. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1950. 432 с.

Щелокова Л.И. Семиосфера окопа в романе В. Некрасова «В окопах Сталинграда» // Проблемы истории, филологии, культуры / Ред. кол.: М.Г. Абрамзон (гл. ред.) и др. Москва — Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. ун-та. 2013. № 3 (41). С. 234—247.

Щелокова Л.И. Рецепция опыта плена в повести К.Д. Воробьева «Это мы, Господи!..» // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ / Ред. кол.: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др.: В 15 т. Т. 14. С.-Петербург: МАПРЯЛ, 2015. С. 709—714.

Щелокова Л.И. К вопросу об истоках «лейтенантской прозы» (повесть К.Д. Воробьева «Это мы, Господи!..») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2012. № 2. С. 26—33.

Эренбург И.Г. Человечество с нами // Известия. 1941. 4 июля.

Яновский Ю. За каждую пядь земли // Известия. 1941. 2 июля.

References

Bakhtin M.M. Literaturno-kriticheskie stat'i / Sost. S. Bocharov i V. Kozhinov. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1986. 543 s.

Berdyayev N. Vojna i eskhatologiya // Put'. 1940. № 61 (oktyabr' 1939 — mart 1940).

Vorobyov K.D. Sobranie sochinenij: V 3 t. Т. 1: Povesti. Moskva: Sovremennik, 1991. 477 s.

Grossman V. Gotovnost' k podvigu // Izvestiya. 1941. 2 iyulya.

Ivanov Vs. Moyo Otechestvo // Izvestiya. 1941. 24 iyunya.

Ivanov Vs. Mysli naroda // Izvestiya. 1941. 5 iyulya.

Il'in I.A. Dukhovnyj smysl vojny. Moskva: Tipografiya T-va I.D. Sytina, 1915. 215 s.

Kryukova A.M. A.N. Tolstoj i russkaya literatura: (tvorcheskaya individual'nost' v literaturnom processe). Moskva: Nauka, 1990. 257 s.

Leonov L. Stat'i voennyh let. Moskva: Pravda, 1946. 256 s.

Likhachev D.S. "Slovo o polku Igoreve" i kul'tura ego vremeni. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1978. 359 s.

Lotman Yu.M. O russkoj literature. S.-Peterburg: Iskusstvo-SPB, 1997. 848 s.

Lyubomudrov A.M. Dukhovnyj realizm v literature russkogo zarubezhya: B.K. Zajcev, I.S. Shmelyov. S.-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2003. 272 s.

Neizdannyy'j V.G. Korolenko: V 3 t. T. 1: Publicistika. 1914–1916 / Predisl., publ., sost. i komment. T.M. Makagonovoj, I.T. Pyattoevoj. Moskva: Pashkov dom, 2011. 352 s.

Nekrasov V. V okopakh Stalingrada: Roman. Rasskazy. Povest' / Sost.: T.P. Golovanova, A.A. Al'. Leningrad: Lenizdat, 1991. 317 s.

Stalin I.V. Rech predsedatelya gosudarstvennogo komiteta oborony i narodnogo komissara oborony tov. I.V. Stalina na Krasnoj ploshhadi v den' XXIV godovshhiny Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii // Pravda. 1941. 8 noyabrya.

Tarasov P.G. Ispovedal'noe nachalo v khristianskom mirovozrenii: Avtoreferat ... kand. filosof. nauk. Belgorod, 2008. 18 s.

Tarle E. Vojna otechestvennaya, vojna osvoboditel'naya // Izvestiya. 1941. 6 iyulya.

Tolstoj A.N. Bessmertie // Krasnaya zvezda. 1941. 12 sentyabrya.

Tolstoj A.N. Polnoe sobranie sochinenij: V 15 t. T. 14. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoj literatury, 1950. 432 s.

Shhelokova L.I. Semiosfera okopa v romane V. Nekrasova "V okopakh Stalingrada" // Problemy istorii, filologii, kul'tury / Redkol.: M.G. Abramzon (gl. red.) i dr. Moskva – Magnitogorsk: Izdvo Magnitogorskogo gos. un-ta, 2013. № 3 (41). S. 234–247.

Shhelokova L.I. Recepciya opyta plena v povesti K.D. Vorobyova "Eto my, Gospodi!.." // Russkij yazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury: Materialy XIII Kongressa MAPRYAL / Redkol.: L.A. Verbiczkaya, K.A. Rogova, T.I. Popova i dr.: V 15 t. T. 14. S.-Peterburg, 2015. S. 709–714.

Shhelokova L.I. K voprosu ob istokakh "lejtenantskoj prozy" (povest' K.D. Vorobyova "Eto my, Gospodi!..") // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. 2012. № 2. S. 26–33.

Erenburg I.G. Chelovechestvo s nami // Izvestiya. 1941. 4 iyulya.

Yanovskij Yu. Za kazhduyu pyad' zemli // Izvestiya. 1941. 2 iyulya.

Сведения об авторе: Лариса Ивановна Щелокова; кандидат филологических наук; Московский городской педагогический университет; доцент кафедры русской литературы Института гуманитарных наук и управления; lariva2007@yandex.ru; сфера научных интересов: поэтика русской прозы о войне.

The author's profile: Larisa Ivanovna Shchelokova; Candidate of Philology; Moscow City University; Associate Professor of the Department of Russian literature of the Institute of Humanities Sciences and Management; lariva2007@yandex.ru; field of scientific interests: poetics of Russian prose about war.